

УДК 392(571)

*В. В. Тихонов***ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
ЭТНОСОВ И ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, СФОРМИРОВАВШИХ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

В статье, исходя из историко-культурного зонирования Предбайкалья, представлен анализ резкоотличительных элементов материальной составляющей культуры этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурное наследие Предбайкалья второй половины XIX – начала XX века, который является основой создания экспозиций в этнографических музеях под открытым небом региона резервационного и транслоцированного типов.

Ключевые слова: русские, эвенки, тофалары, буряты, голендры, поляки, белорусы, татары, украинцы.

*V. V. Tikhonov***THE DISTINCTIVE ELEMENTS OF THE MATERIAL HERITAGE OF ETHNOS
AND THE ETHNIC GROUPS, WHICH FORM THE HISTORICAL
AND CULTURAL POTENTIAL OF PRIBAIKALIE IN THE SECOND HALF OF
THE XIXTH AND THE BEGINNING OF XXTH CENTURIES**

This article contains the analysis of the distinctive elements of the material heritage of ethnos and ethnic groups, which form the historical and cultural potential of Pribaikalie in the second half of XIXth and beginning of XXth centuries. The author outlines that it is the base for forming the ethnographic exhibition in the open air ethnographic museums of Pribaikalie.

Keywords: Russians, Evenks, Tofalars, Buryats, Golendrs, Poles, Belorussians, Tatars, Ukrainians.

Главным научным критерием объективности музеефикации материальной и духовной культуры населения конкретной территории является метод историко-культурного зонирования. Историко-культурное зонирование проводится на основе анализа этногеографо-хозяйственно-экономических дифференциаций, позволяющих выделить отличительные элементы тех или иных этносов и этнических групп, в особенности в материальных носителях культуры, характеризующие именно данные этносы и этнические группы и возникшие под влиянием географических, экономических и хозяйственно-бытовых условий жизни в пределах музеефицируемой территории.

В скансенологии – науке о создании и развитии этнографических музеев под открытым небом – основой построения экспозиционного пространства современных музеев второго поколения, к каким относится музейный комплекс федерального (общероссийского) значения «Тальцы», является историко-культурное зонирование.

Историко-культурное зонирование Предбайкалья началось в 1970 году, когда встал вопрос об определении экспозиционных зон в музее «Тальцы». Главным архитектором проекта музея Г. Г. Оранской на основе укрупненного историко-культурного зонирования региона предлагалось создать ангаро-илимскую, ленскую, эвенкийскую,

мамско-бодайбинскую, саяно-тофаларскую экспозиции. В дальнейшем по результатам исследований автора данной статьи и по итогам экспедиционных работ, исходя из детально проведенного историко-культурного зонирования Предбайкалья, в музее было сформировано девять экспозиций: ангаро-илимская, верхоленская, трактовая, бодайбинская золотопромышленная, городская, бурятская, эвенкийская, тофаларская и переселенческая.

Одной из составных частей историко-культурного зонирования той или иной территории, проводимого для оценки ее историко-культурного потенциала, является анализ сохранившихся до нашего времени материальных носителей традиционной народной культуры, элементов патриархальной среды этносов и этнических групп, проживающих на данной территории, что необходимо для последующего формирования экспозиционного пространства этнографических музеев под открытым небом посредством переноса выявленных элементов этой среды или их реконструкции с воссозданием утраченного. Построение экспозиционного пространства этнографических музеев под открытым небом ведется путем реконструкции исторической среды тех или иных этносов и этнических групп на основе выделения отличительных элементов традиционной культуры, характеризующих именно данные этносы или этнические группы и позволяющих дифференцировать их друг от друга.

Итогом историко-культурного зонирования Предбайкалья стало определение основных культуурообразующих групп населения, имеющих отличительные элементы в материальных носителях культуры середины XIX – начала XX века. Это эвенки, тофалары, буряты, русские; в начале XX века к ним добавились переселенцы, прибывшие в край по столыпинской аграрной реформе: украинцы, белорусы, татары, голендры, поляки.

Эвенки

Эвенки в середине XIX – начале XX века занимали северную и восточную периферию региона, его таежные и горно-таежные массивы. По переписи 1897 года, их проживало на территории Предбайкалья 2 028 человек. Относится эта группа эвенков к байкальскому антропологическому типу большой монгольской расы. Большинство эвенков в Предбайкалье расселено по правым притокам р. Лены (63 % общего числа). В общеэвенкийской культуре в Восточной Сибири выделяют два ареала: западный и восточный, граница между которыми проходит по оз. Байкал и севернее по р. Лене. Каждому из этих ареалов соответствуют свои диалекты и типы оленеводства.

Эвенки вели кочевой образ жизни [1; 14]. Их годовое кочевание составляло 200–250 км. Транспортным животным для западных эвенков, кочевавших по правым притокам и верховьям Подкаменной и Нижней Тунгуски, Нэпы и Токмы, а также для северобайкальских эвенков был олень. Эвенки использовали его для перевозки вьюков. У группы витимских эвенков олень использовался и как вьючное животное, и для верховой езды. При этом часть западных эвенков вообще не знала оленеводства. Основными жилищами эвенков в конце XIX – начале XX века были корьевой и ровдужный (ровдуга – выделанная лосиная кожа) чумы – голомо. У эвенков Нижней Тунгуски встречаются зимние голомо, заимствованные у соседей – якутов.

Основным хозяйственным поселением у эвенков было стойбище. Стойбища делились на временные и постоянные. К временным относились летние стойбища. Постоянные стойбища подразделялись на зимние, весенние и осенние. В одном стойбище обычно селились семьи, находящиеся во взаимобрачных отношениях.

Структура стойбищ определялась их сезонностью. Зимнее стойбище имело в качестве основного жилища утепленное голомо, представлявшее собой плотный жердевой каркас, покрытый лиственничной корой. Между каркасом и корой укладывался в качестве утеплителя мох. Чум в диаметре был небольшой, 3–4 м. В инфраструктуру зимнего стойбища входили лабаз, приспособление для снятия жира со шкур, помост на столбах-деревьях для хранения имущества, капкан-постов для ловли пушного зверя (ланг), тотемный столб – хэвэн. Осенние и весенние стойбища по инфраструктуре между собой практически не отличались и использовались по сезонности только для того, чтобы дать возможность экологического восстановления окружавшего стойбище пастбища. Осенне-весенние стойбища включали чум (голомо) без утеплительной моховой прокладки (иногда ставили чумы с ровдужным покрытием), изгородь с ловушками для оленей, устройство для костра перед чумом, лабаз, помост для хранения вещей и продуктов, помост для хранения объединенных костей, навес для лодок-долбленок и приспособление для выделки ровдуг.

Летние стойбища состояли из чумов, чаще всего крытых ровдугой, иногда берестой, кострища перед чумом, кострищадымокура, летней кузницы с навесом, места для седел и потакуев, приспособления для сушки кожи, кожемялки, а также приспособления для сушки и ремонта сетей.

Таким образом, за длительный период проживания в таежной зоне Восточной Сибири у эвенков сформировался хозяйственно-культурный комплекс охотников-оленоводо-

Тофалары

Тофалары (тофы, карагасы) во второй половине XIX – начале XX века расселились в Нижнеудинском районе, в предгорьях Вос-

точных Саян, в верховьях Бирюсы, Уды, Ии. Тофалары, тюркоязычная народность, относятся к катангскому антропологическому типу. По переписи 1897 года их насчитывалось 389 человек, по полевым исследованиям, проведенным в 1989 году научным сотрудником Иркутского краеведческого музея Л. В. Мельниковой, – 652 человека. Тофалары вели кочевой образ жизни. В начале лета после отела важенок они откочевывали со стадами оленей в гольцы, осенью возвращались в долины для занятий охотой на парнокопытных и пушных зверей. Занятие рыболовством носило вспомогательный характер. Жилище тофаларов на рубеже XIX–XX веков представляло собой корьевой и ровдужный чумы. По религиозным воззрениям тофалары – шаманисты. Их культура довольно самобытна, но находится под угрозой исчезновения из-за постоянной ассимиляции, продолжающейся в течение XIX–XX веков [4, с. 5–12; 5].

Буряты

К 1762 году, по ревизским сказкам, бурят в Предбайкалье было 13 317 душ мужского пола. По переписи 1897 года в Иркутской губернии их проживало 108 867 человек [3; 9]. Западные буряты, проживавшие на территории Иркутской губернии, к приходу русских расселились в лесостепной полосе, в том числе по берегам Ангары, Лены и их притоков. Лишь небольшая их часть проживала в таежной зоне нынешнего Нижнеудинского района и по побережью оз. Байкал от с. Голоустного до с. Кочериново.

По языку западные буряты относятся к монгольской языковой группе, хотя их язык содержит 30 % слов тюркского происхождения [3]. По верованиям западные буряты в значительной степени были шаманистами. К рубежу XIX–XX веков много бурят приняло православие, при этом значительная их часть оставалась двоеверцами. Буддизм

существенного распространения в Предбайкалье не получил. В этой вере находилось около 10 % западных бурят.

Буряты, в основном, занимались скотоводством, вели полукочевой образ жизни. Каждый бурятский род имел свои земли, в пределах которых велось кочевание. К концу XIX – началу XX века круг кочевания составлял 10–15 км. Основным смыслом кочевания был в перегоне скота в весеннее время на летние пастбища из улусов-зимников в улус-летник и осенью обратно.

Стационарные бурятские поселения делились по своему назначению на улусы-зимники и улусы-летники.

Улусы-зимники, в которых буряты жили зимой после возвращения с летних пастбищ, строились вблизи водоемов, на зимних пастбищных угодьях – утугах. Улус-зимник состоял из нескольких усадеб, очень часто объединенных по принципу родства, и в планировке характеризовался гнездовым типом. Инфраструктура усадеб в улусе-зимнике определялась достатком хозяина и в зависимости от этого могла состоять из одного или нескольких домов, построенных по русскому образцу, деревянных четырех- или восьмистенных юрт, хозяйственных построек для содержания скота, хранения продовольствия и имущества. Следует отметить, что были и шестистенные юрты, в большей степени строившиеся в XVII – начале XIX века и до нашего времени практически не дошедшие.

Улус-летник располагался на летних пастбищах, куда буряты переезжали на житье весной вместе со скотом с появлением первой травы. В улусах-летниках жильем служили деревянные юрты, чаще всего восьмистенные, с сенями и кладовками. В качестве строительного материала стен юрты служили круглые бревна, полубревна, фигурные бревна. Для покрытия крыши юрт использовали трехслойку (жерди, кора, дерн), драпку, голтельную доску. Пол в юрте мог

быть земляной, частично покрытый плахами или полностью из плах. При этом в центре оставался земляной пол под очаг, обычно размером 2 x 2 м. Земледелие, в отличие от скотоводства, носило второстепенный характер, сеяли в небольших количествах просо, овес, гречиху.

Русские

Освоение Предбайкалья русскими началось в XVII веке. Заселение края небольшими, от одного до пяти домов, деревнями-малодворками, заимками, осуществлялось довольно быстро, и к середине XVIII века весь этот огромный регион по долинам крупных и мелких рек, наиболее удобным для земледелия, был занят русскими. Выбранный русскими заимочный путь освоения земель был очень удачным. Деревни-малодворки (заимки), редко расставленные по всей территории Предбайкалья, служили опорными пунктами для дальнейшего освоения русскими этих земель. К середине XVIII века русские крестьяне занимали в Предбайкалье северо-западную территорию бассейна Ангары в ее верхнем и среднем течениях, северо-восточную территорию бассейна Лены, ее верховья, юго-западную территорию Иркутской губернии в районе Московского тракта, уже устроенного к этому времени [8].

В Среднем Приангарье, в условиях тайги, сложилось комплексное хозяйство, сочетавшее земледелие и животноводство с промысловой деятельностью: охотой, рыболовством, ореходобычей. Изолированность региона от транспортных магистралей привела в быту и культуре к консервации традиций, восходящих своими корнями к началу заселения Сибири выходцами с Русского Севера [11].

В домостроении в конце XIX века по-прежнему господствовала самцовая крыша, сохранялся подклет. Самой распространенной планировкой усадьбы был выход обоих

дворов, чистого и хозяйственного, разделенных домом, на улицу. В основе планировочной системы селений была однорядная застройка. Велась она вдоль реки, и только для крупных административных центров была характерна либо уличная планировка с двухсторонней застройкой, либо геометрическая с образованием в центре площади.

Другой таежный регион – северо-восточный (бассейн р. Лены) – из-за малоземелья и климатических условий характеризовался ограниченным земледелием, но, благодаря спросу на хлеб для доставки его в Якутию и на Бодайбинские золотые прииски, открытые в середине XIX века, развивалось речное судоходство. В отличие от Ангары, Лена была судоходной, по ней сплавляли грузы в Якутию и в Бодайбо. В связи с развитием судоходства на Лене в этом крае кроме обычных промыслов таежной зоны – охоты, рыболовства, добычи кедрового ореха – получили распространение извоз, судостроение, сплавление. В конце XIX века на Лене возникло и развивалось пароходство, а также большое значение приобрел отхожий промысел – сезонная работа на золотодобыче. Здесь более интенсивно, чем на Ангаре, велась торговля. На Лене существовало такое явление, как плавающая ярмарка, нигде в Предбайкалье более не зафиксированное.

Юго-западная территория Иркутской губернии была богата плодородными землями, ей свойствен более мягкий климат. Это способствовало развитию в крае земледелия, которое приобрело здесь в XIX веке товарный характер. Каждый крестьянин имел общинный пай земли и от одной до трех заимок с разработанными и принадлежавшими только ему землями [7].

Однако основную роль в развитии этого края сыграл Московский тракт. Притрактные села из-за выгодного географического размещения (стояли на главном тракте) быстро превратились в волостные села, став-

шие средоточием всей экономической жизни волостей. К концу XIX века широкое распространение в них получила местная торговля. В крупных селах, Зиме, Черемхово, Кутулике, Усолье, прибывало по воскресным и другим установленным сельским обществом дням на базарную площадь до 300 крестьянских возов. Деятельность жителей притрактных сел отличалась большим разнообразием: кроме основного занятия земледелием большинство крестьян вели какой-нибудь промысел, связанный с обслуживанием тракта (шорный, тележный, кузнечный, бондарный и др.). Значительная часть крестьян содержала постоянные дворы, некоторые – торговые лавки. В Зиме, Черемхово, Тельме, Тулуне и других больших селениях к началу XX века развились промышленные предприятия: спичечные, кожевенные, стекольные, винокуренные, пивоваренные, мыловаренные и т. п. Произошли значительные изменения во внешнем виде селений, наряду с существовавшими общественными зданиями – почтовыми станциями, этапами, церквями – возникли новые – школы, больницы, доходные дома.

Особое место в хозяйственно-экономическом развитии Предбайкалья занимали города, большую часть жителей которых составляли русские. Среди городов региона самым крупным был Иркутск. В конце XIX – начале XX века в нем по-прежнему процветала торговля, составлявшая основу экономической жизни города, а также ремесла, промыслы, огородничество. Крупные промышленные предприятия отсутствовали. «На 1873 год в городе проживало 31 872 человека. Иркутск имел 88 каменных и 2 830 деревянных домов, 2 каменных и 8 деревянных гостиных дворов и торговых рядов с 526 лавками, 290 торговых лавок, расположенных в домах, 183 балагана и стола для базарной площади. В городе работало 42 фабрики и завода, 40 заведений и мастерских. Все это

были легкие предприятия, общая численность рабочих на них составляла 826 человек» [13, с. 34–42].

Самой крупной социальной группой в г. Иркутске являлись мещане, основными занятиями которых были мелкая торговля, извоз, содержание мелких гостиниц, доходных домов, постоянных дворов, трактирчиков и других питейных и торговых заведений.

Переселенцы начала XX века (голендры, украинцы, белорусы, татары, поляки)

В связи с проведением Сибирской железной дороги для правительства облегчалась задача переселения в Сибирь из Центральной России части избыточного населения для освоения пустующих земель.

В результате этого в Предбайкалье с 1898 по 1914 год прибыло 178 тыс. переселенцев [10]. Среди них в процентном отношении на первом месте были русские и украинцы, затем белорусы, татары, незначительную группу составляли голендры [12] и поляки. Все эти группы переселенцев были расселены в юго-западной таежной подзоне по окраинам лесостепей и лесной местности, не занятым русским старожильческим населением. Территория, заселенная ими, шла узкими полосами, в основном, вдоль Московского тракта и, в меньшей мере, по Якутскому тракту в 30 км и более от них по обе стороны.

Одна из особенностей переселения народов в Предбайкалье заключалась в том, что населенные пункты формировались, как правило, из крестьян одной национальности, часто собранных из одной или нескольких близко расположенных волостей или, по крайней мере, из одной губернии [2]. В зависимости от количества людей переселенцы основывали на отведенных участках одно или несколько поселений, соседствующих друг с другом. В результате этого на землях современных Тулунского, Нижнеудинского и других рай-

онов возникли целые колонии белорусов, в Зиминском – украинцев, в Тайшетском и Чунском – татар. В Заларинском районе была расселена небольшая группа голендров, в Баяндаевском районе – поляков.

Такой тип расселения вновь прибывших помогал им ощущать себя на новых землях единым народом, сберегать свою культуру, обычаи, которые частично сохранились до настоящего времени в материальных носителях культуры и резко отличают переселенцев от других этносов и этнических групп.

Итак, при рассмотрении нами образа жизни русского населения Предбайкалья выявлено, что культура русских в различных регионах их проживания имеет значительные хозяйственно-экономические различия, связанные с географическим размещением групп этноса, с климатическими и природными условиями, которые формировали условия их жизни и определяли направленность их занятий.

Выявленные особенности в быту русских для более полного отражения культуры этого народа Предбайкалья требуют выделить отдельные историко-культурные зоны, в соответствии с которыми будут формироваться музейные экспозиции.

Предлагается сформировать:

– ангаро-илимскую экспозицию, особенностями которой в архитектурном плане станут уникальное деревянное оборонное (остроги) и культовое зодчество XVII века, деревни-малодворки с домами-связью XVIII–XIX веков и иными элементами административной и хозяйственной инфраструктуры, отражающими охотничье-промысловую и земледельческую направленность района;

– верхоленскую экспозицию, характеризующую в большей степени сплавное судоходство по р. Лене с плавучими ярмарками, домами пароходчиков;

– трактовую экспозицию, отражающую трактовую зону с ее характерной инфра-

структурой, обеспечивающей передвижение грузов и пассажиров по тракту. Здесь должны быть представлены кабаки, заезжие дворы, почтовые станции, этапные тюрьмы;

– городскую экспозицию, значительно отличающуюся от других, в первую очередь, разнообразной деревянной архитектурой и предметами бытового уклада;

– бодайбинскую золотопромышленную экспозицию, отражающую кустарный и промышленный способы добычи золота, в которой будут представлены шахта, штольни, промприборы для промывки золота, бараки, землянки золотодобытчиков, дроги, дома золотопромышленников.

Особенностью этнической экспозиции западных бурят являются их поселения, формируемые по гнездовому принципу, улусы-зимники и улусы-летники, где усадьбы-зимники (утэхи) состоят из деревянных домов по-русски с юртами и иной инфраструктурой в усадьбе и улусы-летники, формируемые из деревянных юрт.

Эвенкийские и тофаларские стойбища сформированы по принципу сезонности (летние, осенние, зимние), где доминантой являются чумы, в которых посредством малых форм инфраструктуры представлены отличия этих этносов от других этносов и этнических

групп. Хотя в жизни кочевников-оленеводов эвенков и тофаларов было много общего, за счет разнообразия элементов инфраструктуры их стойбищ возможно экспозиционным способом показать и имевшие место отличия.

Анализ поселений переселенцев периода столыпинской аграрной реформы показал, что часть из них привезла с собой в Предбайкалье свои строительные традиции из родных мест в Центральной России. Это, в первую очередь, голендры с их уникальной инфраструктурой домов со стайками и хозяйственными дворами под единой кровлей. Украинцы строили в Предбайкалье для жилья дома-мазанки. Белорусы обтесывали бревна для строительства домов с внешней и внутренней сторон [6]. Татары и поляки в домостроении стали преемниками местных сибирских традиций, однако основными отличительными признаками их традиционной культуры явились культовые объекты – мечети и костелы.

Реконструкция вышеотмеченных особенностей в материальных носителях культуры этносов и этнических групп населения Предбайкалья методом этнографических музейных комплексов под открытым небом позволяет как сохранить их традиционную культуру, так и отразить то, что их отличало.

Литература

1. Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // Сибирский этнографический сборник. – М., 1962. – Вып. 4. – С. 98–121.
2. Золотуева Е. Ю. Архитектурные особенности переселенческих сел начала XX века // Историческое, культурное и природное наследие. – Улан-Удэ, 2000. – Вып. 3, ч. 2. – С. 32–36.
3. Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Известия Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. – СПб., 1896. – Т. 26. – № 4–5. – С. 118–166.
4. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк. – Иркутск, 1994. 302 с.
5. Мельникова Л. В., Свинин В. В. Проблемы создания тофаларской этнографической зоны в музее под открытым небом и сохранения памятников материальной и духовной культуры Тофаларии // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. – Иркутск, 1995. – С. 161–162.
6. Нефедьева А. К. Белорусы в Иркутской губернии // Традиции и обычаи народов России и Белоруссии. – Минск, 2001. – Т. 1. – С. 70–72.

7. Нефедьева А. К., Тихонов В. В. Краткие сведения о трактовой историко-культурной зоне Предбайкалья (конец XIX – начало XX века) // Известия АЭМ «Тальцы», 2002. – Вып. 1. – С. 12–13.
8. Одинцова М. К. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVII век). – Иркутск, 1958. – 59 с.
9. Подгорбунский И. А. Буряты: исторический очерк // Записки ВСОРГО. –1889. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 1–62.
10. Попов И. П. Столыпинская политика в Сибири // Сибирь: ист. хрестоматия. Иркутск, 1932. – С. 104–105.
11. Сабурова Л. М. Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1971. С. 28–77.
12. Сечейко О. Ю. Проблемы переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX века) // История, этнография, архитектура пригородно-трактовых сел Предбайкалья. – Иркутск, 2002. – С. 26–29.
13. Соколов М. П. Иркутская губерния в цифрах: статистические этюды / Иркутское статист. губерн. бюро. – Иркутск, 1924. – 85 с.
14. Туров М. Г. К проблеме реконструкции модели хозяйства групп эвенков таежной зоны Средней Сибири (конец XIX – начало XX века) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 133–139.

Literatura

1. Vasilevich G. M. Jevenki Katangskogo rajona // Sibirskij jetnograficheskiy sbornik. – M., 1962. – Вып. 4. – С. 98–121.
2. Zolotueva E. Ju. Arhitekturnye osobennosti pereselencheskih sel nachala XX veka // Istoricheskoe, kul'turnoe i prirodnoe nasledie. – Ulan-Ude, 2000. – Вып. 3, ch. 2. – С. 32–36.
3. Kulakov P. E. Burjaty Irkutskoj gubernii // Izvestija Vost.-Sib. otd. Rus. geogr. o-va. – SPb., 1896. – Т. 26. – № 4–5. – С. 118–166.
4. Mel'nikova L. V. Tofy: istoriko-jetnograficheskiy ocherk. – Irkutsk, 1994. – 302 s.
5. Mel'nikova L. V., Svinin V. V. Problemy sozdaniya tofalarskoj jetnograficheskoj zony v muzee pod otkryтым небом i sohraneniya pamjatnikov material'noj i duhovnoj kul'tury Tofalarii // Problemy razvitiya muzeev pod otkryтым небом v sovremennyh uslovijah. – Irkutsk, 1995. – С. 161–162.
6. Nefed'eva A. K. Belorusy v Irkutskoj gubernii // Tradicii i obychai narodov Rossii i Belorussii. – Minsk, 2001. – Т. 1. – С. 70–72.
7. Nefed'eva A. K., Tihonov V. V. Kratkie svedeniya o traktovoj istoriko-kul'turnoj zone Predbajkal'ja (konec XIX – nachalo XX veka) // Izvestija AEM «Tal'cy». 2002. – Вып. 1. – С. 12–13.
8. Odincova M. K. Iz istorii russkogo derevjannogo zodchestva v Vostochnoj Sibiri (XVII vek). – Irkutsk, 1958. – 59 s.
9. Podgorbunskij I. A. Burjaty: istoricheskij ocherk // Zapiski VSORGO. 1889. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 1–62.
10. Popov I. P. Stolypinskaja politika v Sibiri // Sibir': ist. hrestomatija. – Irkutsk, 1932. – С. 104–105.
11. Saburova L. M. russkoe naselenie Priangar'ja // Byt i iskusstvo russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. – Novosibirsk, 1971. – С. 28–77.
12. Sechejko O. Iu. Problemy pereselenija v Sibiri' (konec XIX – nachalo XX veka) // Istorija, jetnografija, arhitektura prigorodno-traktovyh sel Predbajkal'ja. – Irkutsk, 2002. – С. 26–29.
13. Sokolov M. P. Irkutskaja gubernija v cifrah: statisticheskie jetjudy / Irkutskoe statist. gubern. bjuro. – Irkutsk, 1924. – 85 s.
14. Turon M. G. K probleme rekonstrukcii modeli hozjajstva grupp jevenkov taehznoj zony Srednej Sibiri (konec XIX – nachalo XX veka) // Material'naja kul'tura drevnego naselenija Vostochnoj Sibiri. – Irkutsk, 1982. – С. 133–139.